

УДК 070:81

О «СВЕРХПУБЛИЦИСТИЧНОСТИ» ПУБЛИЦИСТИКИ К ПРОБЛЕМЕ ОНТОЛОГИИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

© 2010 А.А. Золотухин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 апреля 2010 года

Аннотация: В статье исследуются характеристики и ресурсы публицистического текста, актуализирующие его спустя продолжительное время.

Ключевые слова: сверхпублицистичность, актуальность, образ времени.

Abstract: This article investigates the characteristics and resources of journalistic text, actualizing it after a long time.

Key words: *excespublicistic, topicality, time image.*

Может ли публицистический текст жить «вечно»? Может ли он пережить не только газетный или журнальный номер, в котором был напечатан, но и автора, эпоху? Этот вопрос волнует и юных студентов факультетов журналистики, жаждущих создать бессмертную книгу, и маститых практиков, мечтающих написать «вечный» материал, и серьезных исследователей, отмечающих вдруг взрыв «сверхнового» интереса к делам и словам давно минувших лет. Попытаемся ответить на этот вопрос.

Миссия публицистов, по представлению одного из выдающихся журналистов XX века В.И. Ленина, — «писать историю современности и стараться писать её так, чтобы наше бытописание приносило посильную помощь непосредственным участникам движения и героям-пролетариям там, на месте действий» [1] — остается вполне актуальной. Особенно если не обращать внимания на важнейшую для концепции В.И. Ленина партийную и классовую ориентированность любой литературной, а тем более, журналистской работы. Если же в процитированном фрагменте заменить «непосредственным участникам движения и

героям-пролетариям», например, на «строителям гражданского общества», то цитату можно вновь поместить в любой учебник по журналистике.

В своем определении «дела публицистов» В.И. Ленин обращает внимание на важнейшие качества публицистического текста: его актуальность и злободневность, неразрывную связь с действительностью и практическую полезность. Публицистика — то, что отражает сегодняшнюю жизнь, а главное — помогает изменить её к лучшему.

В понятии «публицистика» (от лат. *publicus* — общественный), определяющей как род произведений, посвященных актуальным проблемам и явлениям текущей жизни, ключевыми характеристиками являются «общественный» и «актуальный», то есть востребуемый массовой аудиторией в данный момент, в данное конкретное время.

Если итогом беллетристического произведения является создание образа «судьбы и мира», бытия, каким его видит художник, то всё вбирающим слоем произведения публицистического является образ времени, наполненный социальной конкретикой, прорастающий из всех образных уровней: деталей, сюжета, характеров. Публицист, пишущий «историю современности», в итоге создаёт и образ времени.

© Золотухин А.А., 2010

Заканчивается событие, разрешается проблема, завершается тот или иной процесс, период, исторический этап — и тексты, отражающие всё это, оказываются не востребуемыми никем кроме историков. Публицистические произведения умирают гораздо раньше самих людей, участвующих в этих событиях и процессах.

Очевидно, что недолговечность, непродолжительность жизни публицистического текста — его сущностная характеристика. Но исследователи публицистики давно уже обратили внимание на многоплановость и структурированность понятия «времени» в публицистическом произведении. К проблеме публицистического пространства и времени обращались в своих работах такие авторитетные в теории публицистики авторы, как Е.П. Прохоров, В.В. Учёнова, М.И. Стюфляева, Л.Е. Кройчик [2].

«Обычно говорят — текст живёт, пока существует проблема, — пишет Л.Е. Кройчик. — Это так. Но текст живёт во времени ещё и как документ эпохи. Как выразитель идей своего времени; как слово автора, давно ушедшего из жизни.

Живёт как памятник общественной мысли.

Как памятник культуры.

Как индивидуально-неповторимая точка зрения» [3].

«В настоящей полнокровной публицистике происходит движение времени по крайней мере на трёх уровнях, — пишет М.И. Стюфляева. — Первый — время конкретной ситуации, как правило, настоящее время. Второй — ситуационное событийное время, которое отмечено на карте исторического времени; историческое время проступает сквозь время ситуации. Ситуация открыта прошлому и будущему, замкнутая ситуация невозможна в публицистике. Наконец третий уровень — время в философском понимании этого слова» [4].

М.И. Стюфляева подчёркивает: детали и социальные ситуации выходят за границы ситуационного времени и наполняют «пространство» времени исторического и исторического процесса. Но и это ещё не всё — сиюминутное социальное в публицистическом отражении может дать и даёт уникальный материал для постижения движения Жизни, Бытия.

В публицистическом тексте чудесное превращение образа времени в «образ вечности» происходит не так уж и редко. Причём образ времени, проявляющийся во всех образных слоях произведения, может «прорасти» в вечность на тех же образных уровнях.

Вот как описывает своё первое впечатление от интерьера староверческой избушки Василий Песков в своей очерковой книге «Таёжный тупик», рассказывающей о жизни семьи Лыковых:

«Пола в хижине ни метла, ни веник, по всему судя, никогда не касались. Пол под ногами пружинил. И когда мы с Николаем Устиновичем расстилали на нём армейскую плащ-палатку, я взял щепотку «культурного слоя» — рассмотреть за дверью при свете фонарика, из чего же он состоит. «Ковёр» на полу состоял из картофельной шелухи, шелухи от кедровых орехов и конопляной костры. На этом мягком полу, не раздеваясь, мы улеглись, подложив под голову рюкзаки» [5]. Здесь мусор на полу, накапливающийся годами, естественным образом превращается в «культурный слой», и это словосочетание сразу же углубляет временной пласт произведения с бытового «сегодняшнего» на «археологический», говорящий о вечности.

Подобное происходит и в очерке Д. Шеварова «На Плесе расплескалась осень» [6], описывающем один день автора в небольшом старинном городке Ивановской области. В тексте, наряду с многочисленными приметами быта жителей русских городков и селений 1990-х годов: воровством соседской капусты, задержкой зарплаты, пустотой на магазинных полках — создающих образ социального времени, Д. Шеваров предлагает детали, наблюдения, описания, образы, работающие на авторскую мысль «охранности» такой медленной, тягучей, неизменной, исконной жизни для современной России. Так, одновременно с образом времени автор создаёт образ Вечного русского города, образ Вечности русской жизни. Образ рождается благодаря всем образным слоям.

На уровне образов-деталей: автор видит на улице оплавленные кирпичи, сохранившиеся со времен пожара 1429 года — «здесь история под ногами»; а местный краевед рассказывает автору о том, что «школа стоит на одной из тех гор, что отмечена ещё на карте Птолемея почти две тысячи лет назад. А вокруг леса, через которые шло в марте 1612 года ополчение Минина и Пожарского».

На уровне образов-характеров: «...Когда смотришь дома на старые, выгоревшие фотографии, с которых глядят на тебя близкие люди, не хочется делать плохое». Так написала в своём сочинении Юля Парфёнова из 7-го класса Плесской средней школы. Тема сочинения была: «Моя родословная». А последние строчки у Юли такие: «Я считаю, что наша семья состоит из очень хороших добрых людей. И я их очень люблю».

На сюжетном уровне: автор ходит теми же тропинками, которые были исхожены художником Исааком Левитаном, актёром Евгением Евстигнеевым, поэтом Геннадием Шпаликовым, написавшим о Плесе такие строки:

«Называлось место Плёс,
Начиналась осень.
Кто меня туда занёс,
Одного забросил?

Было около пяти
И светлело еле,
Воздух голову смутил,
Как «Ркацетели»...

И, наконец, венчается образная структура очерка важным для автора образом-символом Вечности, нерушимости порядка вещей: «Как и тридцать лет назад в магазине на площади можно купить бутылку «Ркацетели». И не хочется уезжать, будто только здесь ты спрятан от мокрых снегов и плохих вестей, будто здесь всегда так ясно по вечерам, морозно и легко, и катерок — «калоша» с зеленым огоньком на борту вечно плывёт по холодной реке».

Очерк «На Плесе расплескалась осень» характерен как пример проецирования ситуативного времени на время философское. В подобных текстах сюжетобразующим началом является образ автора — лирического героя — «очарованного странника» (вспомним, например, цикл путевых очерков Николая Варсегова в «Комсомольской правде» рубежа веков, созданный именно под этой рубрикой. — А.З.). Путевой очерк как жанровая разновидность является тем публицистическим произведением, которое в принципе может жить вечно.

Но и любой другой публицистический жанр может стать произведением, актуальная логическая и образная структуры которого «прорастают» в вечность.

Таковы тексты, в которых рисуются «вечно актуальные» ситуации, обстоятельства и взаимоотношения; героические и «антигероические» поступки. Подобное происходит и в текстах, предлагающих нравственные нормы и оценки, а также в текстах, создающих социально ориентированные образы-типы, такие как падшая женщина — проститутка, пьяница — наркоман, ростовщик — рантье — финансовый воротила, общественный деятель — гуманист и многие другие.

Такие произведения, распахнутые в день сегодняшний, с актуальной и злободневной темой, с созданной по публицистическим лекалам системой образов, с непосредственной обращенностью к читателю-современнику вдруг теряют свою, казалось бы, неразрывную связь с «сегодня», переживают его и живут достаточно продолжительное время, а иногда — умирают и возрождаются несколько раз. Назовем это качество «сверхпублицистичностью».

Определим «сверхпублицистичность» как способность публицистического произведения по каким-либо причинам отрываться от конкретного социально-исторического периода, становиться относительно автономным, живущим продолжительное время — от нескольких лет и десятилетий до тысячелетий.

Договоримся, что этот термин применяется нами как характеристика, являющаяся своеобразной антитезой (а может быть дополнением? — А.З.) базовым качествам публицистики «сиюминутность», «злободневность», «актуальность».

По каким причинам происходит этот отрыв от сегодняшней, социально наполненной жизни? Присуще ли это качество только «избранным» текстам или всему массиву публицистики? Ответить на этот вопрос невозможно без рассмотрения публицистического текста в системе коммуникации, в частности, коммуникации публицистической. Пространство и время в публицистическом произведении, безусловно, нельзя рассматривать без соотношения их с теми же категориями в реальном, социально наполненном, мире, а также в мире автора произведения, аудитории с его способностью к восприятию и т. д. Интересны и чрезвычайно важны, на наш взгляд, и те коммуникационные процессы, благодаря которым старый текст вынимается из «музейной пыли», из анналов истории и вновь превращается из текста-памятника — социальному строю, общественной мысли, культуры в целом, — в текст актуальный, то есть публицистический.

Для того, чтобы текст вновь актуализировался, необходим некий резонанс между старой коммуникативной системой, в которой жил текст, и системой новой. Если текст «попадёт в резонанс», то и состоится его второе рождение.

Чем же определяется эта резонансная актуализация текста, создающая его особую онтологию? По-видимому, многочисленными объективными и субъективными факторами, связанными с взаимоотношениями эпох и ситуаций, аудиторий, контекстов — всё это требует самостоятельного, кропотливого исследования. Однако очевидно, что текст никогда не предстанет «перед взорами изумленной публики» без человека или людей, вынудивших его из анналов застывшей «прошлой современности». Этот субъект (или субъекты), неважно, будь он редактором, исследователем или кем-то другим, в какой-то мере становится сотворцом (соавтором) вынимаемого из другого времени произведения. А рукой этого человека зачастую может водить не столько случайность, сколько возрастающий именно к этому участку истории, кругу лиц, явлений и т. д., интерес общественного сознания.

На первый взгляд кажется, что качество «сверхпублицистичность» присуще лишь публицистическим текстам великих: писателей, философов... Такое замечание справедливо: многие подобные тексты маркируются именем-брендом и находятся, и возрождаются только благодаря имени своего создателя. На всё, написанное рукой гения, великого или выдающегося ложится тот или иной отсвет вечности. И всё-таки даже

у великих творцов есть публицистические тексты, которые не переживают своего времени и могут быть интересны лишь в связи с биографо-творческим контекстом их авторов, а есть тексты, обладающие «сверхпублицистичностью».

Давайте поищем причины «сверхпублицистичности» не в отношениях «произведение — автор» (априори качество «сверхпублицистичности» приобретает текст, написанный талантливой рукой), а в другой цепочке: «действительность — публицистическое произведение — новая действительность». Ещё раз оговоримся, что это всего лишь один из срезов поиска «попадания в резонанс», новой актуализации публицистического произведения.

Причин, отрывающих публицистическое произведение от конкретно-исторического пласта времени, от «сегодня» на этом уровне, по крайней мере, несколько.

Во-первых, это повторение, схожесть **социальных ситуаций, социальных обстоятельств, глобальной социальной ситуации в новом времени, на новом историческом витке**. Например, широкую историческую аналогию можно провести между началом 20-х годов XX века в Советской России, временем «посвоеннокоммунистическим», временем новой экономической политики (НЭПа), и концом 80-х — началом 90-х годов XX века — временем «посткоммунистическим», временем кооперативов, «капитализации развитого социализма» и возрождения частной собственности. Во многом похожи периоды «великой депрессии» 30-х годов XX века и «мирового экономического кризиса» конца первого десятилетия нового, XXI века...

В случае возникновения подобной глобальной или даже локальной социальной аналогии публицистическое произведение не просто «отрывается» от своего времени, но и «переносится» в другое, чем-то похожее. И в другом времени, в новой действительности произведение воспринимается как публицистическое, а не как архивный материал. Проиллюстрируем тезис фрагментами из очерков «Лики Воронежа» (1923 год), написанные журналистом и писателем Андреем Новиковым¹. В цикле очерков — картинки нэпманского города 1920-х годов:

«Раньше Большая Дворянская, ныне, по воле Великого Октября — проспект Революции. Тогда, днем чисто выбритая метлою дворника, ночью — залитая электричеством. Ныне же она исковырена великим временем.

С раннего утра суетливо бегут хозяйки, прислуги и хозяева — на рынок. В десять — суетливые лица с портфелями и без оных. Напудренные, завитые совбарышни на службу не спешат, идут, раскланиваются, стараются встретить знакомого, передать о часе свидания.

Днем улица безмолвна. Одиноко торчат неуклюжие торговые будки, да изредка бойкий торговец папиросами — мальчик, пробегая, крикнет: — Эллер 900: ростовские здесь, вот он. Самый лучший табачок.

Извиняюсь. То было недавно. Теперь мелкая торговля запрещена, и мальчики рекламируют «свою торговлю» другим способом: налетят с ящиками 5-10 человек и наперебой:

— У меня хорошие: «Совнаркомовские», «Наполеон», «Сальве».

— Дядя, у него не бери, у меня дешевле.

— Ванька, мать твою туды, не отбивай покупателя, морду набью.

Торговля мальчиков строится по-взрослому. Имеются мальчики «крупные торговцы», для мелких продают оптом, розницей не занимаются [7].

Фрагмент из 1920-х буквально «напичкан» параллелями с 1990-ми годами, вплоть до мельчайших подробностей. В конце 1990-х годов, так же как и в 1920-е, с центральных городских улиц начали убирать мелкую торговлю — «неуклюжие торговые будки» и бойких торговцев. И лоточники вынуждены были становиться «оптовиками». Подобные параллели можно провести и в очерке «По кафе-ресторанам», в которых автор даёт описание новомодным нэпманским заведениям: «Якорь» работает с 12, с 1 ночи, когда кончается гулянье в «Отдыхе» и «Семейке». Там весь уголовный и хулиганский Воронеж, там танцы-шанцы и мордобитие. Поют похабные куплеты, пахнет спиртом и самогоном...

Там драка, безобразия, за билетами очередь. Кто проходит ночью мимо «Якоря», тот рискует быть побитым» [8].

Чем не картинка «лихих» 1990-х?

Ещё один пример — авторский комментарий характерных в начале 1920-х взаимоотношений, названный «Личные услуги высшим служащим со стороны низших должны быть изжиты»:

«Высшие — это «главк», «подглавк», низшие — сторожа, курьеры, кучера и т. п.

... Довольно часто в редакцию поступают письма с жалобами на то, что высшие служащие в личных целях эксплуатируют беспощадно служащих низших.

Сейчас нам сообщают, что один бухгалтер самым нахальным образом заставляет курьера кормить собственных свиней, пасти коз и т. д. А когда курьер отказывается, то грозит выбросить его из квартиры при учреждении...» [9]

Появление капитализма в России вновь сделало такие взаимоотношения типичными. Поменяйте «кучера» на «водителя», а выпас свиньи на доставку продуктов из супермаркета — и комментарий становится вполне актуальным не только для 90-х годов прошлого века, но и для начала века XXI-го.

Очерки «Лики Воронежа» наполнены образами, созданными по законам публицистической типизации. Автор, создавая образы-типы, группирует, типологизирует, классифицирует. Созданные с помощью этих методов образы «вырываются» из исторической эпохи и «перелезают» в другое «исковыренное», «вздыбленное» время, например в 1990-е годы.

«День сменяет тусклый вечер. Глотают люди пыль, выбивают остатки цемента, уничтожая подметки ботинок. Шепчутся «сладкие, любовные» слова, переливается звонкий смех, толкаются, ходят важно, не спеша.

Позднее выходят женщины в ярких костюмах, чересчур напудренные, с наклепленной на губах краской.

– Гришка, ежели б тебя поцеловала эта мамзель, то вся бы краска прилипла к тебе на губы.

– Пойдём и поцелуешь. За сто рублей – тридцать три удовольствия.

Идут, напевают:

– У-у... у-у... у-у...

Щемит сердце, наполняется оно грустью, тяжело давит грудь, хочется крикнуть:

– О, люди!

– Есть, есть хотим! – звучит другой голос в ушах.

Да. Кусок хлеба, а из-за него многие.

На правой стороне «профессионалки» – специалистки, потрёпанные жизнью, сифилисом, триппером, хрипатые, накрашенные, в шляпках с широкими полями. Правая сторона – бойкое место.

Не заработаешь – не поешь. Не угодно ли вам провести приятно времечко?

Время на них махнуло рукой – они неисправимы.

Категория вторая – на левой стороне от Михайловских часов до Зимнего театра. Здесь: молодые, робкие, скромно одетые, меньше накрашены, ходят парочками, с книгами в руках. Это начинающие.

Робко шепчут проходящему:

– Одолжите закурить.

Голос таинственный, тяжело вздыхают, у каждой свой роман, вроде:

– Взят, обесчестил, выбросил, как ненужную вещь.

Категория третья – любительницы. Дамы они важные, внешность прикрывают умело. Одеты они изящно, гуляют по проспекту с мужчинами, гордо подняв голову, знакомым кланяются вежливо, подавая руку, изгибают её для поцелуя. Целуют им руки не только привыкшие к такого рода «почтению к даме», но... но, к сожалению, краснею за них, наши люди общественного положения, наши новые люди с этикеткой на пролетария.

Любительницы имеют лозунг:

– Жить, брать от жизни всё, иначе какой смысл в жизни.

Денег они не берут. Пьют спирт, шампанское, проводят весело время, а деньги:

«Боже сохрани и помилуй, разве я какая-нибудь проститутка?» [10]

В этом случае обобщения социальные, создающие представленные образы-типы, переходят уже в обобщения этические.

Перевод социальных обобщений в обобщения этические, общечеловеческие – вторая причина обретения публицистическим текстом онтологической особенности долголетия. Предмет в таких произведениях от взаимоотношения людей и конкретных социальных обстоятельств смещается в сторону взаимоотношений людей на определенном социальном фоне или взаимоотношений людей вообще. По сути, предметом таких публицистических текстов становятся «вечные темы»: например, темы «отцов и детей», «учителей и учеников» «преступления и наказания», «танталов и завистников», «богатых и бедных», «разделенной и неразделённой любви». А героями – социальные архетипы. Такие герои характерны для русской публицистики со времен появления первых русских очерков. Они в изобилии встречаются в одном из первых отечественных очерков «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева:

«Новый сей городок, сказывают, населён при царе Алексее Михайловиче взятыми в плен поляками. Сей город достопамятен в рассуждении любовного расположения его жителей, а особливо женщин незамужних.

Кто не бывал в Валдаях, кто не знает валдайских баранок и валдайских разуряченных девок? Всякого проезжающего наглые валдайские и стыд сотрясающие девки останавливают и стараются возжигать в путешественнике любопытствие, воспользоваться его щедростью на счёт своего целомудрия. <...>

Бани бывали и нынче бывают местом любовных торжествований. Путешественник, условясь о пробывании своём с услужливою старушкой или парнем, становится на двор, где намерен принести жертву всеобожаемой Ладе. Настала ночь. Баня для него уже готова. Путешественник раздевается, идет в баню, где его встречает или хозяйка, если молода, или её дочь, или свойственницы её, или соседки. Отирают его утомлённые члены; омывают его грязь. Сиё производят, совлекши с себя одежды, возжигают в нем любопытный огонь, и он препровождает тут ночь, теряя деньги, здоровье и драгоценное на путешествие время» [11].

Местный колорит, «туристическая достопримечательность» Валдая здесь явно вырывается за границы пространства и времени, а образы, осе-

нённые русской богиней любви Ладой, становятся вневременными, как и человеческие желания греховной страсти.

Перевод социальных обобщений в обобщения этические — основа для создания образов-характеров, образов-типов и в так называемых «физиологиях», популярных в России в 40-е годы XIX столетия. Физиологии, или физиологические очерки явились отправной точкой для развития не только очеркистики в отечественной словесности, но и оригинальных публицистических методов создания образов. В свою очередь в Россию эта мода на физиологии пришла из Европы, где они были популярны ещё в 1820-е годы. Этот жанр можно определить как ряд «анекдотов», скрепленных общей темой.

В первом же смысле физиология — наука о жизнедеятельности целого организма и его отдельных частей. В литературном определении «физиология» — описание материальной жизни человека, его жизнедеятельности, преимущественно внешней. Но описание документальное и не чуждое наукообразия. Эти черты отличали подобные тексты от чистой беллетристики. Через физиологические очерки можно проследить и дальнейшую диалектику публицистики: от так называемой «социальной беллетристики» с её попыткой рассказать о взаимоотношениях человека и социума с помощью чисто художественных методов (некая литература без вымысла) — через «социологизированную беллетристику», где наряду с художественными методами создания образов присутствуют элементы теоретического и социологического исследования — к публицистике, в которой превалируют специфические методы отражения действительности.

Тон сборнику «Физиология Петербурга», составленному Н.А. Некрасовым и В.Г. Белинским, выпущенному в 1845 году, задавали очерки самих редакторов-составителей. Белинский предложил в сборник несколько своих текстов, в том числе очерк «Москва и Петербург», Некрасов — очерк «Петербургские углы». И в том, и в другом произведении дано множество образов-типов, созданных с помощью собирательной типизации, и ярких социальных индивидуально-обобщенных типов, каковым, например, является учитель-алкоголик из «Петербургских углов»:

«Послышался странный стук в двери, сопровождаемый страшным мурныканьем.

— Ну, барин! — Воскликнул дворовый человек.

— Будет потеха: учитель идёт!

— Что за учитель?

Дверь отворилась настежь и, ударившись об стенку, оглушительно стукнула. Покачиваясь из стороны в сторону, в комнату вошёл полуштоф, заткнутый человеческой головой

вместо пробки: так называю я на первый случай господина в светлозелёной в рукава надетой шинели без воротника: воротник, понадобившийся на починку остальных частей одеяния, отрезан ещё в 1819 году.

Между людьми, которых зовут пьющими, и настоящими пьяницами — огромная разница. От первых несёт вином только в известных случаях, и запах бывает сносный, даже для некоторых не чуждый приятности: такие люди, будучи большей частью тонкими политиками, знают испытанные средства к отвращению смрадной резкости винного духа и не забывают ими пользоваться. Употребительнейшие из таких средств: гвоздика, чай, гофмановы капли, пеперменты, фиалковый корень, наконец, лук, чеснок. От вторых несёт постоянно, хоть бы они неделю не брали в рот капли вина, и запах бывает особенный, даже, если хотите, не запах — как будто вам под нос подставят бочку из-под вина, которая долго была заткнута, и вдруг ототкнут. Такой запах распространился при появлении зелёного господина — я понял, что он принадлежит ко второму разряду» [12].

В этом фрагменте наряду с яркой «физиологической» картинкой автор использует такой характерный для публицистики метод, как обобщающий комментарий, увы, остающийся вечно актуальным для российской жизни.

Еще один пример подобной публицистичности находим в такой газетной заметке:

«7 июля 1857 года в Люцерне перед отелем Швейцергофом, в котором останавливаются самые богатые люди, странствующий нищий певец в продолжение получаса пел песни и играл на гитаре. Около ста человек слушало его. Певец три раза просил всех дать ему что-нибудь. Ни один человек не дал ему ничего, и многие смеялись над ним» [13].

Могла бы эта заметка появиться в одной из тогдашних швейцарских газет? Очевидно, могла, как демонстрация нравов богатых путешественников, приезжающих в этот курортный город в середине XIX века. Автором заметки, созданной по всем канонам жанра: классический суммарный лид, точные цифры, — был не кто иной, как граф Л.Н. Толстой. Не знаем, относил ли Лев Толстой эту заметку в швейцарскую газету, но внутри своего беллетристического произведения «Из записок князя Д. Нехлюдова. Люцерн» он её поместил. Вечная тема взаимоотношений богачей и нищего артиста придает заметке естественное качество «сверхпублицистичности» — её можно смело вставлять в текст «вечной прозы», заметка нисколько не покажется в ней чужеродной.

Характеристики «сверхпублицистичности» можно отыскать и в классической советской публицистике, и в постсоветской.

Автор вступительной статьи к публицистическому однотомнику Анатолия Аграновского Борис Панкин пишет: «Конечно, многое из его очерков сегодня уже воспринимается без того захватывающего интереса, который был всеобщим, когда «письма» (речь идёт о «Письмах из Казанского университета». — А.З.) впервые появились на газетной полосе. Многие из того, что тогда было открытием автора, сейчас воспринимается, в чём есть и его заслуга, как нечто очевидное. Многие, но не всё. И это-то «не всё» как раз и обеспечивает серии очерков долгую жизнь.

«Кто ваш учитель?» — пишет Аграновский, — я многим в Казани задавал этот вопрос. И, странное дело, студенты-физики почти всегда отвечали точно: «Доцент Костылев», или: «Профессор Норден», или: «Профессор Тумашев». А студенты-гуманитарии чаще всего давали уклончивый ответ: «Я, знаете ли, учусь на истфилфаке», или: «Я оканчиваю Казанский университет».

Не знаю, как сейчас обстоят дела в Казанском университете и какие ответы дали бы студенты на аналогичные вопросы. Но само это различие, выраженное столь образно и лаконично, работает и сегодня. И в наши дни проблема Учителя зацепит за живое каждого — и того, кто учится, и того, кто учит.

Или о столкновении талантов и завистников: «Впрочем, нынешние Сальери Моцартов не отравляют. Они их травят...» [14]

Б. Панков, приводит в своей работе ещё несколько подобных примеров. Отметим, что предисловие появилось в 1980 году, а приведенные в нём фрагменты «Писем из Казанского университета» девятнадцатью годами ранее. Сегодня, спустя еще 30 лет, приведённые отрывки из очерка Аграновского кажутся не менее актуальными: в них, помимо духа и проблем того времени, есть и то, что наполняет жизнь во все времена.

Очерк Юрия Роста «Ушёл человек», посвященный личности Андрея Дмитриевича Сахарова, заканчивается фрагментом выступления академика на II Съезде народных депутатов СССР:

«Председательствующий: Нет, решено! Товарищи, некоторые замечания по порядку дня я уже высказывал, подавали свои предложения и другие депутаты. К чему они сводятся? Первое: каждый день выделять время в конце заседаний для обсуждения возникающих вопросов.

Сахаров А.Д. (не слышно)»

Из стенограммы II Съезда народных депутатов СССР от 13 декабря» [15].

Сахаров, в завершении очередного заседания, выходит на трибуну, хочет что-то сказать, а ему выключают микрофон и его «не слышно». Казалось бы, маленькая, незначительная деталь, фрагмент документа — стенограммы съезда — вы-

растает здесь до значения символа, олицетворяющего взаимоотношения Пророка и Власти в их внеситуационном и вневременном смысле.

Основой для «сверхпублицистичности» могут быть не только образы-характеры, типы, детали, символы, но и образы социальных или политических понятий. Например, в очерке А.П. Платонова «Че-Че-О» таким образом становится «коммунизм»: «Первостепенным остаётся изготовление вещей, — пишет Платонов, — ослабление губительных действий природы и поиски путей друг к другу; в последнем — в дружестве — и заключается коммунизм: он есть как бы напряжённое сочувствие между людьми» [16]. Коммунизм у Платонова перестаёт быть общественно-политическим понятием и даже образом идеала социального, а становится образом идеала этического, философского.

Еще одну причину обретения «сверхпублицистических» характеристик следует искать в предмете отображения публицистического текста. **Если таковым предметом являются события, которые впоследствии становятся знаковыми, историческими, важными на региональном, национальном или мировом уровнях, то такой текст также может раскрыть качество «сверхпублицистичности».**

Потенциально «сверхпублицистическими» фрагментами действительности чаще всего становятся трагические события или, напротив, события, связанные со всеобщей радостью.

Например, Победа в Великой отечественной войне или оборона русскими Севастополя в XIX и XX веках, или трагедия 11 сентября 2001 года в США, или даже извержение Везувия, случившееся до нашей эры.

Тексты, в которых отражены подобные события, могут «спать» годами, десятилетиями и веками, но вдруг — о, чудо! (или: о, трагедия!) — и их публицистические качества вновь оживают. Актуализировать такие произведения могут и юбилейные даты, и некие другие события, случившиеся на новом историческом витке, к которым некогда описанное имеет какое-то отношение. Например, любое новое извержение Везувия могло бы вновь актуализировать текст об извержении тысячелетней давности, будь он написан в гибнущем городе или по горячим следам этого события. Публицистические тексты, например, очерк офицера Л.Н. Толстого «Севастополь в декабре месяце», в котором отражена оборона русскими Севастополя в 1850-е годы, вдруг становятся вновь актуальными, общественно важными и интересными массовой аудитории в связи с новой «оборонной» Севастополя как базы русских моряков в противостоянии России с Украиной и НАТО в начале XXI века.

Иногда связь событий оказывается невероятно причудливой. Осенью 2008 года российская блогосфера принесла в печатные СМИ произведение, удивившее многих искушенных читателей. В нём неизвестный блогер ammosov доступными логическими методами связывает современный мировой экономический кризис с событием, случившимся почти два тысячелетия назад:

«Понятно, что в основе нынешнего кризиса неограниченная кредитная экспансия. Ипотечники в США понабрали субпраймов. Фонды прямых инвестиций выкупали компании в кредит под залог этих же компаний. Даже правительство США устроило войнушку в госдолг немислимых доселе размеров. То же и у нас: олигархи в кредит скупали компании, инвестбанки — акции, граждане — жилье и машины. Словом, всему виной дешевый кредит. Как его не стало, все сжалось, и пошел «эффект музыкальных стульев».

Но откуда взялся дешевый кредит? Кто виноват? А виноват Гринспен, это он ставку с 2000-го по 2003-й опустил в ноль.

Но зачем Гринспен это сделал? А он боролся с рецессией, которую вызвали падение Энрона и прочих компаний, которые мухлевали все 1990-е с отчетностью...»

Не будем утомлять читателя экономическим сленгом, отметим лишь, что части цитируемого текста соединяются очень прочно (каждое первое предложение последующего абзаца связано с последним предложением предыдущего и логически, и синтаксически, и с помощью лексических «крючков»). Приведем фрагмент, рисующий последние звенья цепи:

«...Получается, Израиль всю эту кашу заварил? Да нет, тогда уж виноваты англичане, которые еще в 1916 году пообещали израильтянам переселить в Палестину, где израильтяне не жили почти два тысячелетия, а полтора на их месте жили арабы.

Таким образом, все бы обошлось, живи евреи в Израиле безвылазно... Но ведь они ж не сами из Израиля ушли. А их выгнал древнеримский император Адриан в 132 году. Потому что евреи устроили восстание Бар-Кохбы, и с того восстания и начались два тысячелетия диаспоры.

Что ж евреи с Адрианом не поладили? А дело в том, что Адриан Иерусалим переименовал в свою честь и на руинах второго храма поставил статую своего малолетнего любовника Антиноя, которому велел поклоняться как богу. Лучше религиозные чувства иудеям он отдал бы не смог.

Почему ж Адриан такую поразительную вещь учудил? Дело в том, что у него настроение было отвратительное. В том самом году Антиной утонул в Ниле. Адриан его обожествил, велел по всей империи ему статуи поставить. Он на иудеях сорвал злость по полной!

Итак, мы нашли причину кризиса. Антиной! Вот так, весь мир рушится — и все из-за одного пи...раса!

Чтоб ему пусто было! Не мог аккуратнее купаться» [17].

Понятно, что текст вызывает интерес не столько «отсылком» к стародавним событиям, происходящим в земле обетованной, сколько оригинальной мыслительной работой блогера, связавшего воедино многие экономические и политические эпизоды второй половины XX века с событиями второго столетия новой эры. Тем не менее, мысль автора опирается на известные события.

Текст ammosova имеет ярко выраженные публицистические характеристики и, случись в обозримом историческом пространстве новый экономический кризис, он и в этом новом времени очевидно «работал» бы как публицистическое произведение, обретая качество «сверхпублицистичности».

В завершение отметим, что «сверхпублицистичная» публицистика (и её создатели, разумеется) чрезвычайно важна и для экономики того СМИ, в котором она публикуется. Логика здесь такова: бренд — важнейшую ценность той или иной газеты или журнала — создают имена их журналистов. Благодаря публицистам, умеющим создавать «вечные» тексты, тот или иной бренд не только начинает отсвечивать «дорогим благородством», но и становится национальным достоянием, а быть может, и достоянием вечности. Так, бренд «национального достояния», газеты «Известия», был создан во многом благодаря Анатолию Аграновскому, Татьяне Тесс, Элле Максимовой и другим публицистам; «Литературной газеты» в её новейшей истории — Евгением Богатом, Аркадием Ваксбергом, Юрием Ростом, Юрием Щекочиным; «Комсомолки» — Василием Песковым, Ярославом Головановым, Геннадием Бочаровым, Инной Руденко...

Получается, что строки гениального Бориса Пастернака:

«Не спи, не спи, художник,
Не предавайся сну!
Ты — вечности заложник
У времени в плену» —
относятся и к публицистам?

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Андрей Никитич Новиков (1888—1941 гг.), журналист, писатель, автор романов и повестей «Ратные подвиги простаков», «Причины происхождения туманностей», «Комбинат общественного благоустройства», член объединения «Перевал», близкий друг Андрея Платонова, расстрелян в одной из московских тюрем в 1941 году

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В.И. Полн. собр.соч. : 5 изд. / В.И. Ленин. – Т. 9. – С. 208.
2. Прохоров Е.П. Публицист и действительность. М., 1973, Искусство публицистики. М., 1984, Учёнова В.В. Гносеологические проблемы публицистики. М., 1971, Творческие горизонты журналистики. М., 1976, У истоков публицистики, М., 1989, Стюфляева М.И. Образные ресурсы публицистики. М., 1982, Кройчик Л.Е. Публицистический текст как жанр и как дискурс // Акценты. Воронеж, 2005. – № 3-4. – С. 11-16.
3. Кройчик Л.Е. Публицистика смутного времени / Л.Е. Кройчик // Современные проблемы журналистской науки : ежегодный сборник научных статей. – Воронеж, 2009. – С. 42.
4. Стюфляева М.И. Образные ресурсы публицистики / М.И. Стюфляева. – М. : Мысль, 1982. – С. 11.
5. Песков В. Таёжный тупик / В. Песков. – М. : Молодая гвардия, 1990. – С. 32-33.
6. Комсомольская правда. – 1996. – 20 октября.
7. Воронежская коммуна – 1923. – 24 августа.
8. Воронежская коммуна – 1923. – 16 сентября.
9. Воронежская коммуна – 1923. – № 196.
10. Воронежская коммуна. – 1923. – 24 августа.
11. Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву / А.Н. Радищев. – Ленинград, 1981. – С. 92-93.
12. Физиология Петербурга. – М. : Наука, 1991. – С. 102.
13. Толстой Л.Н. Собр. соч. в 12-ти т. – М., 1989. – Т. 2. – С. 200.
14. Аграновский А. Избранное: Очерки; Фельетоны; Статьи / А. Аграновский / Вступит. статья Б. Панкина. – М., 1980. – С. 14.
15. Литературная газета, 20 декабря 1989 года
16. Платонов А.П. Че-Че-О / А.П. Платонов. – Воронеж, 1999. – С. 485.
17. Новая газета. – 2008. – 23 октября.

*Золотухин А.А.
Воронежский государственный университет.
Кандидат филологических наук, доцент кафедры
теории и практики журналистики.
e-mail: zolotukin@yandex.ru*

*Zolotukhin A.A.
Voronezh State University.
PhD, The theory and practice of journalism chair,
docent.*